

ВИЛЬЯМ ХАЙНЕСЕН: СТИХИ ИЗ КНИГИ «ГИМНЫ И ПЕСНИ ГНЕВА» (1961)

О. А. МАРКЕЛОВА
(ПЕР. С ДАТСКОГО, ВСТУП. СТ. И ПРИМЕЧ.)

Аннотация: В публикации представлены выборочные переводы из «Гимнов и песен гнева» — шестой книги стихов крупного датско-фарерского автора Вильяма Хайнесена (1900–1991), вышедшей в свет после двадцатипятилетнего перерыва в публикации стихов (впрочем, в эти годы Хайнесен создал свои наиболее значительные романы). По сравнению с более ранней лирикой автора в «Гимнах и песнях гнева» изменяется формальный аспект: большинство стихотворений написаны в верлибре. На тематическом уровне в книге существует противопоставление гармоничной вечности и современного цивилизованного мира с его негативными явлениями. В книге частотна тема смерти, причем смерть может трактоваться как один из аспектов вечности или как Апокалипсис, который создадут сами для себя представители современной цивилизации. Но смерть может оказаться преодолима, очевидно, на неком ином экзистенциальном уровне, не в последнюю очередь искусством и человеческими чувствами. В «Гимнах и песнях гнева», в отличие от ранней лирики Хайнесена и его прозы 1950–1960-х гг., почти не упоминаются фарерские реалии. Книга органично входит в общее русло фарерской модернистской лирики 1960-х гг. (хотя она никогда не рассматривалась в ее контексте), а также датской модернистской лирики, хотя некоторые важные мировоззренческие аспекты существенно отличаются от нее.

Ключевые слова: Вильям Хайнесен, лирика 1960-х гг., модернизм, фарерская литература, фарерская поэзия, датская поэзия, перевод.

Данная публикация продолжает переводы поэзии крупного датско-фарерского автора Вильяма Хайнесена (1900–1991)¹. Выход книги стихов «Гимны и песни гнева» датируется 1961 г.; до того В. Хайнесен не публиковал стихов на протяжении 25 лет. Его предыдущая книга стихов — «Темное солнце» — увидела свет в 1936 г., а в последующие годы он сосредоточил внимание на крупной и малой

© Маркелова О. А., 2021.

Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2021. Вып. 68. С. 83–103.

¹ См.: Ранняя лирика Вильяма Хайнесена / пер. с дат. и предисл. О. А. Маркеловой // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2017. Вып. 51. С. 83–95; Лирика Вильяма Хайнесена: сборник «Темное солнце» (1936) (вступ. статья и пер. с дат. О. А. Маркеловой) // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2020. Вып. 62. С. 133–158.

прозе. В период между выходом этих двух книг стихов он создал, в том числе, романы «Черный котел» (1949) и «Пропавшие музыканты» (1950), которые принесли ему известность и крайне важны для его творческого пути.

Маловероятно, чтобы стихи, созданные после столь долгого перерыва, во всем повторяли предыдущий сборник. Первое, что бросается в глаза в «Гимнах и песнях гнева», — формальное новаторство: в нем преобладает верлибр, твердая ритмическая организация присутствует в очень малом количестве стихотворений, рифма — лишь в одном («Колокол надежды»). В некоторых текстах речь может идти об ультраэкспериментальной форме (ярким примером здесь служит «Jam Session 1959», где события Апокалипсиса разворачиваются в современном мире во время банкета «сильных мира сего» и описаны отрывочными, часто асинтаксичными фразами, напоминающими конспект репортажа).

В книге сохраняются мотивы, появившиеся еще в ранней лирике Хайнесена: жизнь и смерть, ночь, холод. Кроме того, в ней в большой мере присутствует заявленная в книге «Темное солнце» (1936) тема негативных социальных и мировоззренческих явлений современного мира. В этой связи один из исследователей творчества В. Хайнесена отмечает: «То, что в “Темном солнце” было лишь предчувствием, в “Гимнах и песнях гнева” стало пугающим предзнаменованием»².

Заглавие «Гимны и песни гнева» заставляет предполагать в книге оппозицию двух настроений: восхищения/благоговения и возмущения — и, очевидно, оппозицию явлений, вызывающих соответствующие чувства. (Так как слово «гимны» возможно трактовать как название жанра религиозной поэзии, датский исследователь Торбен Брострём назвал эти стихотворения Хайнесена «светскими псалмами»³.) Действительно, в них присутствуют, с одной стороны, современная цивилизация с ее неравенством, цинизмом, жестокостью, с другой — гармоничная (но отнюдь не безмятежная) вечность. Подобная дихотомия была заметна уже в «Темном солнце»⁴, однако там она была не четкой, а нюансированной, и в «Гимнах и песнях гнева» эта нюансированность возрастает.

Книга разделена на три части. В первой, «Танце богинь», преобладает философская лирика; универсум предельно обобщенный. Лишь в заключительном стихотворении этой части, «Цветочница в стужу», хронотоп — явно современный европейский город. Во второй части, озаглавленной «Белый человек», преобладают стихотворения, которые У. Глин Джонс применительно к «Темному солнцу» назвал «этическими»⁵ (т. е. не являющиеся социально ангажированными в строгом смысле слова, но описывающие угрозы, которые существуют в современном социуме и ведут его к гибели). В этой части книги универсум зачастую очень конкретизирован, упоминаются определенные места на земном шаре, в основном в Европе (хотя стихотворение «Белый человек» отсылает к Африке).

² Jones W. Glyn. Towards Totality: The Poetry of William Heinesen // World Literature Today. A Litterary Quarterly of the University of Oklahoma. 1988. Vol. 62. № 1. P. 81.

³ Torben Brostrøm. Himmel og hav. William Heinesens lyrik // Úthavsdagar. Oceaniske dage. Tórshavn, 2000. S. 18.

⁴ Лирика Вильяма Хайнесена: сборник «Темное солнце» (1936) (вступ. статья и пер. с дат. О. А. Маркеловой) // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2020. Вып. 62. С. 135.

⁵ Jones Glyn W. Færø og kosmos. En indføring i William Heinesens forfatterskab. Gyldendal, 1974. S. 78.

В третьей части — «Ковчег спущен на воду» — вновь возникают обобщенный универсум и «вечные» экзистенциальные темы. При этом в ней возрастает количество отсылок к произведениям и деятелям искусства (хотя бы на уровне посвящений): сонаты Бетховена, древнекитайские поэты, выдающийся исландский поэт Эйнар Бенедиктссон (1864—1940). К дихотомии вечности и современности прибавляется третья составляющая: искусство и живые чувства людей. (Ковчег, о котором идет речь в заглавии этой части и одноименного стихотворения, — это «ковчег любви»; также в этой части книги присутствуют «колокол надежды» и «безбрежный оптимизм щедрого сердца».)

В «Гимнах и песнях гнева» появляется противопоставление Апокалипсиса как явления, которое могут сотворить сами люди, и смерти как естественной составляющей бытия. Тема гибели и распада как приметы современной цивилизации в отдельных стихотворениях становится центральной (ср., например, «Цветочница в стужу», «Конец мира». Квинтэссенция этой темы — стихотворение «Смерть весенним вечером».) В других она служит фоном («Бордо», «Олимпия⁶»). Дихотомия смерти как ипостаси вечности и губительных тенденций современного мира особенно заметна в разделе «Белый человек», где тексты вроде «Конца мира» или «Священного тельца» соседствуют со стихотворением «Хогбой», где оптимистичный мертвец в кургане поет о Ничто, которое, как явствует из его символики, является воплощением не только смерти, но одновременно и плодородия. При всей частотности темы смерти в «Гимнах и песнях гнева» картину мира в этой книге нельзя назвать пессимистичной: в ее третьей части смерть оказывается преодолима, возможно, на некоем ином, экзистенциальном уровне (ср. стихотворения «Женщины у могилы», «Эпитафия», «Последний час».)

В прозе Хайнесена 1950—1960-х гг. действие, как правило, происходит на Фарерах (чаще всего в Торсхавне); в ней нередко упоминаются деятели фарерской культуры, присутствуют отсылки к фарерскому фольклору и литературным текстам. В «Гимнах и песнях гнева» отсылок к фарерской культуре нет, если не считать посвящения стихотворения «Менуэт молодой листвы» Йёргену-Францу Якобсену, фарерскому прозаику и журналисту, родственнику В. Хайнесена, умершему в Дании в туберкулезной лечебнице в 1938 г. Явные детали фарерской природы заметны в стихотворениях «Время ожидания» и «Дóма на земле», где упоминаются североатлантические рыбы и морские животные. Но именно в этом последнем стихотворении конкретизация оборачивается наиболее глобальным обобщением: в нем стирается разница между Фарерами и всей Землей. Как раз такое уподобление локального космическому будет очень характерно для поздней прозы Хайнесена. (Также замечу, что в этом стихотворении снята и граница между миром живых и миром мертвых, так как поэт в нем ужинает и беседует с умершей матерью.)

В датской поэзии 1960-х гг. место «Гимнов и песен гнева» неоднозначно. В том, что касается поэтической формы и отчасти тематики, они входят в общее русло датской модернистской поэзии своего десятилетия, но в некоторых аспектах существенно отличаются от нее. В датскую поэзию модернизм пришел в 1950-х гг.; лирику этого и последующего десятилетия характеризуют следующим

⁶ Подробный анализ этого стихотворения см.: Torben Broström. Op. cit. S. 13—23. Особое внимание уделяется содержащимся в нем интертекстуальным отсылкам.

образом: «Поэты этого периода не избирали красивых и ободряющих тем, которых требовали и ожидали от них многие, но в самый разгар “хороших времен” считали своей миссией фиксацию того, что в обыденном оптимизме оказывалось вытеснено. То есть социальные и сексуальные проблемы, отчуждение, погоню за статусом и закосневшую нормальность. Когда мир переживается как расколотый, язык, который изображает это переживание, также не может быть целостным и связным. Напротив, он тоже является частью распада...»⁷. Несмотря на влияние на Хайнесена датских поэтов-модернистов, в особенности Отто Гельстеда, которое он сам признавал, ему свойственно, напротив, стремление к целостности в восприятии мира. «Хайнесен не совершал модернистского ниспровержения центральной перспективы и долго оставался именно в русле “центральной лирики”»⁸.

В контексте фарерской лирики 1960-х гг. «Гимны и песни гнева» обычно не рассматриваются, однако они органично вписываются в него. В это десятилетие на фарерском языке выходит много книг стихов как в традиционной, так и в модернистской манере; в фарерской поэзии появляются новые имена. Молодые авторы уделяют в своих стихах внимание социальным проблемам, в том числе зарубежным. (Таковы, например, Луйджас уй Бё [Líggjas í Bø], Рой Патурссон [Rói Patursson].) Формальное новаторство у фарерских поэтов этого периода может быть связано с социальной ангажированностью — однако далеко не всегда⁹. (Так, крайняя новизна формы уже в 1960-х гг. присутствует у Гури Хельмсдаль Нильсен [Guðrið Helmsdal Nielsen, род. 1941], в творчестве которой преобладает пейзажная лирика).

Стихотворения, представленные здесь, публикуются на русском языке впервые.

Ранее из указанного сборника на русском языке публиковались отдельные стихотворения: Мартовская цветочница (пер. В. Вебера), Утреннее видение (пер. Н. Булгаковой), Больной эскимос встречает весну (пер. В. Вебера), До востребования поэтам «Шицзина» (пер. В. Вебера) // Из современной датской поэзии: сборник / сост. Б. Ерхова, предисл. В. Топорова. М.: Радуга, 1983. С. 135–140; Jam Session 1959 (пер. О. А. Маркеловой) // Юность-Плюс. 2003. № 1. С. 42–43; Прометей творящий. Смерть весенним вечером. Дóма на земле // Классики фарерской поэзии / сост., пер. и предисл. О. А. Маркеловой. М.: У Никитских ворот, 2017. С. 134–143.

Перевод выполнен по изданию: William Heinesen. *Samlede digte*. ROLV forlag 1984.

⁷ Dansk litteratur fra runer til graffiti / Keld B. Jessen, Steffen Hejlskov Larsen (ed.). Forlaget systime. Herning, 1988. S. 222–223.

⁸ Torben Brostrøm. Op. cit. S. 25. «Центральная лирика» — датский литературоведческий термин для обозначения типа лирической поэзии, наиболее распространенного и привычного от романтизма до наших дней: для такой поэзии характерны наличие только одного лирического субъекта, стоящего в центре, монологичность и согласованность смыслов друг с другом (в отличие от констатации хаоса и распада мира и субъекта, характерного для модернистской и, тем более, постмодернистской лирики).

⁹ Árni Dahl. Bókmenntasøga III. Forlagið Fannir. Tórshavn, 1983. S. 59–63.

Посвящение

Tilegnelse

Благодарю тебя,
осеннее-серое море,
за глубокие вздохи твои.

А тебя,
о мир,
за дружбу.

А вас,
о будни,
за доверчивый взгляд.

А тебя,
брат,
за старание.

Это ты на прошлой неделе,
обливаясь потом,
нарисовал сторбившегося быка
на стене Альтамирской пещеры!

Это ты позавчера
шлифовал гриву
большого сфинкса в Гизе!

А вчера, сидя на дереве,
во все глаза смотрел на Иисуса!

А час назад
первым в мире
обогнул грохочущий риф
близ Кап-Бохадор.

А в этот миг,
в творческом экстазе,
готовишь первый космический полёт!

И, может быть, уже сегодня вечером
станешь преданием —
безбрежным шорохом в жухлой траве —
рассыпающейся улыбкой во мраке.

Танец богинь
Gudindernes dans

И первая танцевала,
она черна, величава,
исполняла она Пляску Тьмы.
Махали длинные груди,
как крылья мельниц во мраке.
Она выступала в танце
из первобытной ночи,
где радость перечит смерти,
где слон и бог в темноте
по глазам узнают друг друга,
а луна, как сестра, лобзает
спину гиппопотама.
Плясала она — как гора,
что дремлет в грозу и бурю.
Плясала со всем неистовством
растущего баобаба.
Плясала — пляску обилия.
Плясала — как Фаллос и Куннус,
что своей отдаются судьбе.
И танец её — как биение
верного сердца в укрытии,
что истоиво наполняет
жаждущие сосуды,
питает голодные клетки
живительной солью земли.

И танцевала вторая —
маленькая, золотая,
и был это Танец Безмолвия.
Танцевала она — как заря,
что тихо и ясно восходит
над просторами древних земель,
где Тигр на горе мурлычет,
Дракон на реке качается,
одуванчики на обрыве
подмигивают друг другу,
журавли и дикие гуси
по воздуху расстилают
одежды всех времён года,
а музыканты радуги
исполняют свою мелодию
для восторженных мудрецов.

И был то танец терпения.
Она почти недвижима,
и руки слегка приподняты,
и уста онемели от счастья,
но в её детских глазах —
глубоких тихих колодцах —
сквозит вековая улыбка,
что наследует время и землю.

А третья — бела и резва.
То светлая наша сестра,
возлюбленная Афродита,
несущая боль и томленье
всех голубых морей
в своих упрямых глазах.
Танцевала она Танец Солнца.
Выпрядала руками гибкими
пряжу неистовых снов.
Редкостные сокровища
из тайников, сокрытых
в глубинах земли и моря,
она выводила на свет.
Доплясав до края земли,
вспархивала на облако.
И был то танец немирья.
Плясала она безумно
в лихой круговерти покровов,
срывала с себя их ножами
и ранилась до крови —
она плясала сквозь пламя,
сжигала себя дотла!
Оставались: лишь дым да гарь,
лишь пустота да ветер,
да Смерть с совком для золы.

Цветочница в стужу **Blomstersælgerske i frost**

Мартовский ветер по улице метёт,
и восходящие звёзды
над волчье-серым туманом
томятся в пыли и дыму.

Сморщенная старушка
продаёт за бесценок фиалки.

«Возьмите мои фиалки,
господин хороший!
На меня взгляните:
моё лицо покрыто
серой копотью горя.
Вы меня узнаете?
А ведь когда-то давно
поднялась я со дна морского
в вуали жемчужной пены,
а в волосах восход;
и ступала я по траве,
в которой росли фиалки.

Взгляни же на цветы!
Голубые, как море
у меня на родине —
как Геликон и Олимп.
Понюхай, как они пахнут
дивно-синим утром и юностью —
невинностью, божественностью!
Не презирай мои дары!
Не презирай поэзию и любовь!
Не презирай чудо жизни!

Глянь: ещё ничто не потеряно!
Солнце всё ещё молодо.
И на шаре земном — влага, облака,
и моря, и счастье, и терпение!

Не презирай же мои фиалки!
Чтоб они не зачахли, не посерели,
не поблёкли, словно глаза,
увидавшие преисподнюю!

Не презирай же мои цветы!
Скоро поздно станет жить!
Уже отравлен воздух,
что ты вдохнёшь под вечер!
А вода, что ты пьёшь, — уже яд!

Скоро черви пожрут твой костный мозг.
Скоро всё молоко в груди
твоей женщины — превратится
в горький сок болиголова!
Скоро она родит тебе детей
бледно-немочных и безглазых!»

Бордо
Bordeaux

Тихий плеск волны
у больверков в Бордо.
Здесь море закончило свой
стих о томленье и горе.
Здесь пахнет смирный полдень
дымом и чадом кухни
и неизбывными буднями.
Здесь щепетильные чайки
уселись рядком на крышах,
словно скромные, но суровые
девушки без иллюзий.

Как обветшал и отчаялся
суровый город Бордо —
шершавое древнее логово
терпеливого сильного сердца!
Нет в нём таких сокровищ,
которые медленно-верно
не пожрала бы моль или ржа,
или морская соль —
нет надежды без препон,
нет любви без оценки,
радости — без изъянов.

Сон в Бордо безмятежен.
Он прилетает с моря
с привкусом первобытных
и невинных морских анемонов
и упрямых устричных чаш.
А если умрёшь в Бордо —
туманные глубины морские
распахнутся гостеприимно,
и рыба — фонарь на рыле,
услужливо проведёт
в степенное царство мёртвых.

Олимпия
Olympia

Этот омар уже не плещется
в сердце утонувшего в морском бою матроса.
Он лежит — аппетитный и красный, как игрушка, —
на тарелке у его юной вдовы

и скоро усвоит хорошие манеры,
когда примет участие
в её утончённом обмене веществ.

Предсмертный рёв этого быка
давно отзвучал,
но его светлая кровь
ещё окрашивает её обнажённые в улыбке зубы.
Таков твой жребий, счастливчик:
твоя мышечная ткань сольётся с её,
чтоб поддерживать тепло в её грёзах.

Миграция этого угря,
что так завораживал мудрецов,
окончилась где-то в глубине её глотки.
Он обрёл самое лучшее
гнездо для своего потомства
в её здоровом нутре.
Безмолвные гроздья с Рейна и Роны
излили свою сладостную речь на её язык,
а её новый любовник
ласково улыбнулся.

И напоследок в череде этих радостных даров жизни
смерть явственно обозначила своё присутствие
ароматом тления и падали,
исходящим от сыра,
и дух воздал свою дань
в виде благословения священника,
мягким облаком окружающего
отмеченную крестом бутылъ ликёра,
которая была у любовников,
когда встретились их уста.

Тогда прокатился вздох по всему сущему,
и рыбы вернулись в воды свои,
а скотина — на пастбища свои,
а мертвецы — в свои ямы во мраке.

Утренняя газета Morgenavisen

Утро в мире!
Солнце смеётся.
Море ликует.
Душа отражает величие жизни
в надежде и свете.

И вдруг —
хохот Медузы:

Солнце будет светить
над мёртвой землёй.
Море будет сверкать —
и никто не увидит.
Зеркало будет
без души
вечно отражать пустоту.

И вдруг —
народный гнев:
чёрные смерчи
с алой зарёю в сердце.
Мститель Персей
с занесённым ножом.

Священный телец **Den hellige tyr**

Голова твоя тяжела, рогами увенчана.
Глаза твои заплыли и кровью налиты.
На широком лбу твоём — морщины и руны
жуткой тайны и дикарства.
Твои ноздри алчны.
Дивен и страшен ты —
стоишь, бессердечен, безмозгл,
и исходишь слюной
от жажды крови!

Вот каков ты,
рогатый бог,
Ваал и Молох,
древний бог-бездельник,
бог магнатов, воителей и истребителей!
Ты жаждешь войны и разрушений.
Ты жаждешь, чтоб наука стала убийцей.
Ты жаждешь, чтоб прогресс был рабом смерти.
Ты жаждешь помочь богатым и грабить бедных.
Ты жаждешь поддержать угнетателей против угнетённых.

Страшнее всего ты, когда
твой жрец возлагает
благословляющую руку
на голову юной жертвы — человека,

и ты неистово и зловеще ревьёшь
при его экстатическом выкрике:

— Прими в милосердии своём
этого сына человеческого!
Пусть его кровь искупит наш грех!
Взгляни в милосердии своём на нас!
Даруй нам свободу и мир,
и чтоб нам было хорошо,
и мы долго жили в этом краю!

Хогбой

Hogboy

Мертвец с весёлым именем Хогбой живёт в кургане Мэйсхау на оркнейском острове Помона. Оттуда слышится, как он поёт, лёжа в темноте, отчаянные песни. Жизнелюбивые помонские девушки пляшут при лунном свете вокруг этого древнего захоронения и шепчут дрожащими голосами:

— Хогбой! Хогбой!
О чём ты поёшь?

— О весне, девушки, о свете её!
Вот о чём я пою в пустоте и во мраке!
О ветре с моря,
целующем свежую траву!
О волнах, что прохладными ртами
водоросли целуют!
А если б рот был у меня,
то я б вас всех расцеловал,
чтоб стала тьма вокруг пылать!
Но придётся подождать
до вашей смерти, до самого Судного дня.

Девушки смеются и расспрашивают дальше:

— Хогбой! Хогбой!
О чём ещё ты поёшь?

— О лете, девушки, о свете его!
Вот о чём я пою в пустоте и во мраке!
О ветре, который траву обнимает!
О резвых волнах-юношах,
что кружат в неистовом танце
дерзких девчонок — водоросли!

А если б ноги были у меня,
то я бы в танце вас кружил,
пока у вас солнца в глазах не станут сиять!
Но придётся подождать
до вашей смерти, до самого Судного дня.

Девушки нетерпеливо кричат:

— Хогбой! Хогбой!
О чём ещё ты поёшь?

— Об осени, девушки, о свете её!
Вот о чём я пою в пустоте и во мраке!
О шторме, что треплет летящее сено,
о прибое — грубых парнях,
хватающих водоросли за руки и ноги.
Ах, был бы у меня ещё мой царский жезл, —
и я бы прижал вас в сене,
я прижал бы вас, любопытные,
на ложе из морской травы, —
я вам устроил бы неистовый приём!
Но придётся подождать
до вашей смерти, до самого Судного дня.

Девушки голосят:

— Хогбой! Хогбой!
О чём ещё ты поёшь?

— О Ничто, о, девушки, о Ничто!
Вот о чём пою в одиночестве мрака.
У Ничто жадный рот.
У Ничто резвые ноги.
У Ничто мощный жезл.
Ничто — когда вы умрёте.
Ничто — в Судный день.

Девушки жалобно стонут:

— Хогбой! Хогбой!
О чём ещё ты поёшь?

— Ничто! — раздаётся вдали ответ.

И мертвец замолкает в своей могиле,
и девушки со вздохами идут домой.

Надпись на замёрзшем стекле Skrift på frossen rude

Я смерть.

Загадочные дары приношу я тебе:
кристаллы и мерцающие звёзды.

Ты не можешь прочесть, что я написала на твоём оконном стекле.
Это насмешливая победа
или тайное утешение?
Или просто благородная редкостная игра
по ту сторону всяких значений?

Смотри, как ширятся и растут мои побеги!
Ты узнаёшь узор жизни
на моей безмолвной белой доске?
Упрямо набухающие луковицы в земле!
Ростки водорослей средь бури и прибоя!
Твоё томление и надежда!
Непокорная роза твоего сердца!

Время ожидания Ventetid

В зелёно-морское зимнее небо —
тучи обезумевших скворцов!
И вот голые кроны рябин
взвихрились суматохой живых крыльев
и возносятся в поднебесье
бурлящие фонтаны птичьего гомона!

Значит, этот миг — лишь одно:
радостная песнь чёрных деревьев
в яме зимнего сумрака!

Значит этот миг — лишь одно:
Древо Надежды! Древо Надежды,
возносящее навстречу смерти свои тёмные бутоны
тёплых бьющихся сердец!

Колокол надежды

Håbets klokke

Пхень-Ян! Пхень-Ян!
Незабвенный звон!
То бессмертный колокол:
был не раз расколот он,
но вовек не заглушён
горделивый громкий тон:
возвестил надежду он.

Это колокол Пхень-Ян:
незабвенный, легендарный;
с запылённой кучи лома
снова, снова поднят он,
чтоб — волшебный — над землёю
прозвучал надежды звон.
«Смерти нет!» — глаголет он.

В мире есть несправедливость,
беспросветная нужда
и страданье, и беда.
Злого горя трон, трон,
тяжкой боли стон, стон.
Но звучит в кромешном мраке
громкий колокола звон.

Он взывает: мы воскреснем,
если братьями мы станем,
чтоб с безумием бороться,
чтобы в мире вместе жить!
Так звучит призыв далёкий
день и ночь — со всех сторон!
Пхень-Ян! Пхень-Ян!

Так звучит призыв несложный —
то надежды чистый тон.
Пусть колокола разбиты —
вечно в них не смолкнет он.
Все сердца на свете бьются
день и ночь в унисон
в такт далёкой, в такт бессмертной
мощной песне — без препон.
Это колокол надежды!
Пхень-Ян! Пхень-Ян!

Женщины у могилы
Kvinderne ved graven

В который раз уж: дикие травы,
туман, дождь, густая тьма,
солнечные пятна на дымящейся земле,
тихий вечерний танец комаров
меж домами, где дремлют дети!

Вновь проснуться с петухами
и рассматривать морской простор
с улыбками молний!
Цирковые тучи, птичьи крылья, безумное ликование
высоко-высоко в морозно-синем небе!

И твою душу пронизывает
радостная сумасшедшая музыка:
фрегат на волнах, Пёрселл, Гендель —
безбрежный оптимизм щедрого сердца:
«Смерть, где твоё жало?»,
«Ад, где твоя победа?»

И в волнах светового прибора
различаешь ты руки, простёртые к высям,
различаешь радостно взывающие рты,
глаза, сощуренные от солнца,
женщин, сгрудившихся в удивлении
возле входа в чёрную пещеру —
возле тьмы, где горе больше не живёт!

Ах, неувядаемо юные
дщери боли и стыда,
вы, дщери Каритас и экстаза —
вы, наши вечные матери и сёстры,
вы, умащающие ноги осуждённых на смерть
и обнимающие солнце надежды
у раскрытых могил!
Высоко над мирской суетой
воспаряет весенний гимн
ваших живых сердец!

Эпитафия

Epitafium

Художнице, покончившей с собой

Вечно будем мы видеть в волнах прибоя
твоё смелое отчаянное лицо.

Вечно будем мы слышать во мраке
стук твоего упрямого сердца.

Вечно будет тихое мерцание Плеяд
рассказывать нам, что ты обрела покой.

Смерть поэта Эйнара Бенедиктссона

Digteren Einar Benediktssons død

На юге — отблеск последнего солнца
сквозь брызги прибоя.

На севере пустоши:
холодное ядовитое озеро рассудка,
беспрестанно пульсирующий
серный источник боли.

А посередине я —
сломленный —
и тьма перекликается с тьмой.

Приветствую тебя в последний час мой,
неповоротливый властолюбец Левиафан,
и тебя, Маммона, Ваал, Яхве!
С каким облегченьем я вскоре увижу,
как твой хищный, алчный взор
растворяется в первобытной ночи,
откуда ты и пришёл!

Приветствую вас в закатный час мой,
земные юноши и девушки!
На прощание я пожелаю вам
Чтоб вы берегли ваши юные тела,
в незагрязнённых соках которых
ещё бурлит начало —
горделивее прибоя в Атлантике!
Чтоб вы сохранили свет души
в ваших сердцах
и животворящую силу слова,

и непреклонную остроту клинка
в ваших устах!
И чтоб доброта, гнев, надежда и упорство
расцветали, как неистребимо благоухающий тимьян,
вечно, вечно
на этом утёсе в море!

Менуэт молодой листвы

Det nye løvs menuet

Посвящается Йёргену-Францу Якобсену

Юный отсвет старых небес!
Юная листва старых деревьев!
Вечность постоянно обновляется.

Ты слушаешь мою песню
на своей кровати в потёмках?
Ты слышишь, как рог трубит и петух кричит
в моцартовской симфонии?
Ты видишь в конце той аллеи
невозмутимых сфинксов
с женскими грудями, —
ты видишь в конце той аллеи
восход
в радостных окошках дворца?

Он ещё стоит в нарождающемся свете росистого утра,
бледный-белый дворец,
где эхо дремлет в пустынных залах,
где потолки в потёках, а зеркала разбиты,
и где с продуваемых террас минувшего
открывается вид на текущий миг,
на конец света.

В светлых радостных утренних покоях
мёртвые барышни
разговаривают во сне
и встают с постели с закрытыми глазами,
с улыбкой на тихих устах,
и с прелестью
не от мира сего
опускают кисточки в пудреницы
с прахом всеобщей бренности!
И вот: они воспаряют над полом
так ловко, так проворно!

И под звуки Пражской симфонии
выплывают вон
через колышущиеся белые шторы —
и парят
сквозь юную, юную листву
в тысячелетних кронах —
и парят
низко-низко над благоухающими лугами,
а их пудра пляшет в луче,
как пыльца.

Не буди их! Пусть парят,
пусть танцуют,
медленно,
и лица обращены наверх,
к утреннему солнцу,
к драгоценным грёзам о чуде жизни.
Пусть танцуют в дрёме
бледные барышни
с вечными устами.

Список литературы

- Brostrøm, Torben. "Himmel og hav. William Heinesens lyrik" // *Úthavsdagar. Oceaniske dage*. Tórshavn, 2000. S. 12–26.
- Dahl, Árni. *Bókmenntasøga III*. Forlagið Fannir. Tórshavn, 1983.
- Dansk litteratur fra runer til graffiti. Keld B. Jessen, Steffen Hejlskov Larsen (ed.). Forlaget systime. Herning, 1988.
- Jones Glyn W. *Færø og kosmos. En indføring i William Heinesens forfatterskab*. Gyldendal, 1974.
- Jones Glyn W. *Towards Totality: The Poetry of William Heinesen* // *World Literature Today. A Literary Quarterly of the University of Oklahoma*. 1988. Vol. 62. № 1. P. 79–82.
- Маркелова О. А. Лирика Вильяма Хайнесена: сборник «Темное солнце» (1936) / вступ. статья и пер. с дат. О. А. Маркеловой // *Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология*. 2020. Вып. 62. С. 133–158.
- Маркелова О. А. Ранняя лирика Вильяма Хайнесена / пер. с дат. и предисл. О. А. Маркеловой // *Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология*. 2017. Вып. 51. С. 83–95.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo
gumanitarnogo universiteta.
Serii III: Filologiya.
2021. Vol. 68. P. 83–103
DOI: 10.15382/sturIII202168.83-103

Olga Markelova,
Candidate of Sciences in Philology,
Associate Professor,
Moscow State Linguistic University,
38 Ostozhenka, Moscow,
119038, Russian Federation
dimentionen@yahoo.dk
ORCID: 0000-0003-3640-4886

WILLIAM HEINESSEN:
FROM THE BOOK
HYMNS AND SONGS OF INDIGNATION (1961)

INTRODUCTORY ARTICLE, TRANSLATION FROM DANISH
AND NOTES BY O. MARKELOVA

Abstract: This publication contains selected translations from *Hymne og harmsang* (Hymns and Songs of Indignation), the sixth book of poems by the prominent Danish-Faroese writer William Heinesen (1900–1991). It was published after a 25-year-long pause in publishing poetry (however, it was during this time that he wrote his most significant novels). Compared to his earlier books of poetry, in *Hymns and Songs of Indignation* the form of poems has changed: most of them are in verse libre. At the level of the themes, there is an opposition between the harmonious Eternity and the modern civilised society with its negative tendencies. The theme of death is frequent in the book; this can be death as an aspect of Eternity or a man-made Apocalypse created by the modern civilisation. However, death can be overcome, probably on some other existential level, not least by means of art and human feelings. In contrast to the earlier poetry of Heinesen and his prose works of the 1950–1960s, in *Hymns and Songs of Indignation* the Faroese realities are almost never mentioned. This book follows the tendencies of the Faroese modernist poetry of the 1960s (though the book has never been examined in this context), and also those of the Danish modernist poetry; however, certain important aspects of the worldview reflected in this book are highly specific.

Keywords: William Heinesen, lyrical poetry of 1960s, modernism, Faroese poetry, Faroese literature, Danish poetry, translation.

References

- Brostrøm T. (2000) “Himmel og hav. William Heinesens lyrik”, in *Úthavsdagar. Oceaniske dage*. Tórshavn, ss. 12–26.
- Dahl Á. (1983) *Bókmenntasøga*, III. Tórshavn.
- Jessen K., Larsen S. (eds) (1988) *Dansk litteratur fra runer til graffiti*. Forlaget systime, Herning.
- Jones G. (1974) *Færø og kosmos. En indføring i William Heinesens forfatterskab*. Gyldendal.
- Jones G. (1988) “Towards Totality: The Poetry of William Heinesen”. *World Literature Today. A Literary Quarterly of the University of Oklahoma*, vol. 62, no. 1, pp. 79–82.
- Markelova O. (2017) “Ranniaia lirika Vil’iama Khainesena”. *Vestnik PSTGU. Ser. III: Filologiia*, vyp. 51, pp. 83–95 (in Russian).
- Markelova O. (2020) “Lirika Vil’iama Khainesena: sbornik “Temnoe solntse” (1936)”. *Vestnik PSTGU. Ser. III: Filologiia*, vyp. 62, pp. 133–158 (in Russian).